

Глава 28. Путь в Тайянь

Янь Хуайлин мгновенно поднялся и окинул комнату взглядом, как раз в тот момент, когда Цзан Е переступил порог, принося с собой прохладное дыхание раннего утра.

Встретившись с ним взглядом, Янь Хуайлин неловко пробормотал:

— Э-э, господин Цзан?

Тот вошёл, отложил меч в сторону и коротко спросил:

— Отдохнул?

— Вы только что вернулись?

— Хм.

Вспомнив, как вчера Цзан Е при свете свечи кропотливо переписывал свиток, Янь Хуайлин всё понял:

— Неужто отвозили оригинал из Чжибу?

Цзан Е кивнул:

— Именно так.

При мысли о том, как удивятся и обрадуются те трое детей — даже сердитая малютка Го Лянь вряд ли найдёт повод для ворчания, — Янь Хуайлин невольно улыбнулся. Ему очень хотелось расспросить о деталях встречи, но, заметив на обычно суровом лице Цзан Е мимолётную тень нежности, он понял, что всё прошло успешно.

На душе стало удивительно тепло.

— Позвольте взглянуть на вашу копию? — попросил он.

Цзан Е на мгновение замешкался, но затем достал из-за пазухи свиток, написанный прошлой ночью, и протянул ему.

Развернув медицинский трактат, Янь Хуайлин вдохнул аромат свежей туши и замер, любясь каллиграфией. Сердце его затрепетало. Благородный облик, безупречный почерк, добродетель,

милосердие и выдающееся мастерство меча... Разве можно было не влюбиться?

Эта мысль промелькнула в голове так внезапно, что он вздрогнул. Он перестал улыбаться.

Не заметив перемены в его настроении, Цзан Е взглянул в окно на занимающийся рассвет:

— Наше путешествие в Чжибу окончено. Теперь путь лежит в земли Тайянь.

— Если мы ищем Чэнь Линцзюня, — отозвался Янь Хуайлин, — начинать стоит с Гуаньчжоу.

Цзан Е обернулся к нему, и он смягчился:

— Молодой господин Янь, что вы думаете о возвращении в Тайянь?

«Что я думаю?»

Путешествие близилось к завершению, и Янь Хуайлин внезапно ощутил странную смесь страха и пустоты. Свитки пяти регионов были сокровищами медицины, пусть и уступали легендарному Трактату Долголетия. Но когда все пять будут собраны, у Цзян Вэньчжоу наверняка появятся свои планы на поиски Трактата Долголетия, и тогда... велика вероятность, что их пути с Цзан Е разойдутся.

Почему это так пугало? Сначала он лишь хотел набраться опыта и изучить редкие труды, но за время пути в его сердце будто вырубили нишу, которую почти целиком занял этот человек. И в отличие от прошлого, сейчас Янь Хуайлин не мог контролировать это чувство. Он лишь беспомощно наблюдал, как оно разрастается, поглощая его привычный, выстроенный годами мирок.

Ему было непривычно и страшно терять контроль над собой. Чувства, точно пороховой заряд, грозили в любой момент разнести в щепки ледяную стену, которой он так долго отгораживался от мира.

Отвернувшись, Янь Хуайлин нарочито беспечно бросил:

— В Тайяне нам не придётся ночевать под открытым небом. Там есть дом, где можно укрыться, и не нужно ничего разведывать. Пожалуй, я наконец-то смогу передохнуть.

Цзан Е помолчал, прежде чем ответить:

— Пожалуй.

— А что думаете вы, господин Цзан? — Янь Хуайлин стоял, заложив руки за спину, так и не оборачиваясь.

Цзан Е подошёл к окну и распахнул створки:

— Если удастся без труда заполучить Тайяньский свиток, значит, срок службы подходит к концу.

После этих слов Янь Хуайлин опустил глаза.

— Господин Цзан, — произнёс он спустя долгое время, — вы не задумывались, где может быть Трактат Долголетия?

— Это не то же самое, что пять свитков, — отозвался Цзан Е. — Его поиски могут затянуться на годы.

— Лингуань Хуа вряд ли позволит вам отлучиться надолго. Неужели поиски Трактата Долголетия поручат кому-то другому?

Почувствовав в словах спутника скрытый подтекст, Цзан Е невольно обернулся:

— Что вы имеете в виду?

Янь Хуайлин подошёл к нему и устремил взгляд на улочки чужого города:

— Когда это тайное поручение будет выполнено, продолжите ли вы искать Трактат Долголетия?

— Если Лингуань Хуа прикажет, я приложу все силы.

Раскрыв веер, Янь Хуайлин с бесстрастным видом уставился на проходящую внизу женщину с зонтиком.

— А если... — он заговорил тише, — если Янь не будет сопровождать вас в этом пути, вы расстроитесь?

Цзан Е вздрогнул. Слегка нахмурившись, он посмотрел на Янь Хуайлина:

— Вы больше не хотите искать Трактат Долголетия?

Янь Хуайлин не ответил. Он повернул голову, заглядывая Цзан Е прямо в глаза:

— Вы расстроитесь?

—...

Цзан Е привык к его легкомысленному тону, но в этом вопросе прозвучала неожиданная серьёзность, которая привела его в замешательство.

— Если Лингуань Цзян пришлёт кого-то другого, — наконец произнёс он, — я сделаю всё возможное, чтобы сработаться с новым напарником.

Снова этот казенный тон. Ни капли личного, ни тени чувства.

Янь Хуайлин помрачнел, но он быстро захлопнул веер и нацепил привычную улыбку:

— Видно, вы и впрямь одержимы этим Трактатом Долголетия.

— Это долг, — отрезал Цзан Е. — Одержимость тут ни при чём.

Кивнув, Янь Хуайлин почувствовал укол боли в груди.

— Что ж, раз это наш последний день в Чжибу, я, пожалуй, пройду по улицам, развеюсь напоследок.

Бросив на Цзан Е короткий взгляд, он стремительно вышел из комнаты. Но едва дверь открылась, Цзан Е окликнул его:

— Если не поиски свитков, то что вы планируете делать дальше?

Янь Хуайлин удивился этому вопросу. Он обернулся и с горькой усмешкой произнёс:

— Пить вино, любоваться цветами, слагать стихи, играть в шахматы и созерцать красавиц. Словом, предаваться всем земным удовольствиям.

Не дожидаясь ответа, он скрылся за дверью. Цзан Е остался один в тишине комнаты.

«Если Янь не будет сопровождать вас... вы расстроитесь?»

Вспоминая всё то время, что они провели вместе с самого Ваньлина, Цзан Е вынужден был признать: Янь Хуайлин принёс в его жизнь ровно столько же хлопот, сколько и радости. Этот человек вечно улыбался, вел себя развязно и небрежно, казался ветреным и легкомысленным, но на деле обладал тонким умом, решительностью и всегда доводил дело до конца.

Его манера заигрывать с женщинами и те вольные словечки, от которых Цзан Е то и дело бросало в краску, заставляли гвардейца осуждать его за цинизм, но в то же время тайно восхищаться его внутренней свободой.

Доверял ли он ему? Поначалу — ни капли. Но пройдя долгий путь, Цзан Е понял, что Янь Хуайлин — единственный человек, которому он мог без страха подставить спину.

Но расстроится ли он, если их пути разойдутся? Цзан Е не знал ответа. Этот вопрос был слишком личным, слишком эмоциональным для того, кто привык считать свою жизнь собственностью господина. Золотой гвардеец живёт ради своего господина — и только. Дружба, привязанность, любовь — всё это не для него.

Раз он поклялся в верности Хуа Чжундао, у него нет права на чувства. И даже если Янь Хуайлин стал ему близким другом, он обязан будет оборвать эту связь, если того потребует приказ.

«Вы расстроитесь?»

Цзан Е посмотрел в окно и горько усмехнулся.

Пробыв в Чжибу ещё полдня, спутники отправились в Тайянь. Путь был недолог, и спустя несколько дней они уже въезжали в Гуаньчжоу. Знакомые виды и шумная толпа помогли Янь Хуайлину окончательно расслабиться.

Первым делом они направились в поместье Лингуаня Цзяна. Ступив под своды резиденции, Цзан Е невольно помрачнел. В Гуаньчжоу изысканные здания не были редкостью, но богатство отделки, искусная резьба и позолота этого поместья разительно отличались от аскетичной чистоты резиденции в Ваньлине. Эти противоположности наглядно отражали характеры их хозяев.

Узнав о возвращении Янь Хуайлина и Цзан Е, Цзян Вэньчжоу пришёл в восторг. Он тут же принял их, с интересом выслушивая рассказы о дорожных приключениях. Вопрос с Тайяньским свитком пока оставался открытым, и Цзян Вэньчжоу не торопил события. Он распорядился устроить гостей, а затем приставил к ним писцов, чтобы те под диктовку Янь Хуайлина слово в слово зафиксировали содержание свитков из Ваньлина и Цзюньту.

Янь Хуайлин обладал феноменальной памятью. Там, где Цзан Е начинал сомневаться, он отвечал без запинки, чем заслужил искреннее восхищение гвардейца. Цзян Вэньчжоу, заполучив знания, пребывал в прекрасном расположении духа и позволил гостям два дня отдыхать и развлекаться в городе, прежде чем они продолжили поиски.

Цзан Е уже бывал в Гуаньчжоу, когда сопровождал императора Ци Минцзюня, но тогда ему не довелось толком познакомиться с городом. Теперь же, внезапно получив два дня свободы, он, хоть и не любил суеты, решил прогуляться по улицам.

Янь Хуайлин же после возвращения домой внезапно стал очень занят — он то и дело куда-то исчезал, и найти его было невозможно. Цзан Е лишь покачал головой: такую непоседливую натуру легче убить, чем удержать на одном месте.

Оставшись в одиночестве, Цзан Е медленно шёл по городу, не выпуская из рук меча. Мимо мелькали лавки, торговцы зазывали покупателей, но ничто не привлекало его внимания. Ближе к полудню, когда он уже собирался повернуть назад, впереди послышались крики. Толпа зевак образовала плотное кольцо, перегородив дорогу.

Цзан Е хотел было обойти препятствие, но, будучи выше многих, заглянул через головы людей и замер.

— Опять ты! — какой-то мужчина в одежде лавочника едва ли не тыкал пальцем в нос стоящему перед ним повесе. — Мало тебе было к моей жене приставать, так ты снова взялся за старое?! Ищешь взбучки?

— Полноте, любезный, вы напрасно клеветаете на честного человека! — раздался знакомый голос. — Признаю, в прошлом за мной водилась дурная слава, но я давно исправился и к женщинам больше не притрагиваюсь!

Цзан Е нахмурился. Сомнений не было: этот бабник снова во что-то вляпался.

— Враньё! — взревел торговец. — Я своими глазами видел, как ты увивался за моей женой!

— Эх, почтенный... — Янь Хуайлин выглядел на удивление искренним, но слова его звучали двусмысленно. — Она сама меня увидела и бросилась на шею. Разве ж я виноват?

Толпа недовольно загудела. Все встали на сторону торговца, требуя ответа от наглого господина. Заметив, что Янь Хуайлин теряет своё обычное самообладание, Цзан Е, поначалу не сомневавшийся в его вине, вдруг почувствовал неладное. Он протиснулся сквозь толпу и встал рядом.

— Что ты опять натворил? — негромко спросил он.

Увидев статного и благородного воина, торговец тут же ухватился за него, как за спасительную солому:

— Господин воин, рассудите нас! Этот Янь — известный развратник, только и знает, что честных женщин изводить! Вот и к моей жене прицепился...

Янь Хуайлин посмотрел на Цзан Е с самым невинным видом:

— Господин Цзан... я, конечно, бываю небрежен, но клянусь небом, сегодня я и пальцем не коснулся этой дамы...

— Хватит лгать! — не унимался лавочник.

Цзан Е молча перевёл взгляд на женщину, которая стояла в стороне, не смея поднять головы.

— Почтенный, — снова заговорил Янь Хуайлин, обращаясь к торговцу, — еще несколько месяцев назад я, может, и впрямь не пропустил бы мимо ни одной юбки. Но теперь у меня есть тот, кто дорог моему сердцу. Зачем мне ваша жена?

Цзан Е даже не слушал эту чепуху. Он подошёл к женщине:

— Сударыня.

Торговец тут же загородил её собой:

— Господин воин, если есть вопросы — спрашивайте меня! Моя жена от страха слова вымолвить не может, не стоит её беспокоить.

Игнорируя его, Цзан Е продолжал смотреть на женщину, которая склонилась ещё ниже.

— Если вы желаете справедливости, пусть ваша супруга сама ответит.

Торговец, видя упорство гвардейца, оттащил женщину в сторону и снова набросился на Янь Хуайлина:

— Ты опозорил чужую жену и вместо раскаяния несешь какую-то чушь! Скотина, а не человек!

— Я же сказал, моё сердце уже занято, — Янь Хуайлин пожал плечами.

— Враньё! Просто хочешь отбрехаться! И кто же это?

Янь Хуайлин сложил веер и указал им прямо на Цзан Е:

— Он.

Толпа замерла. Все взгляды скрестились на гвардейце. Тот, всё ещё пытаясь уловить реакцию женщины, почувствовал внезапную тишину и в полном недоумении обернулся.

— Я же говорю, — продолжал улыбаться Янь Хуайлин, — раньше я любил приударить за красавицами, но те времена прошли. Теперь в моей душе есть место лишь для одного человека, так с чего бы мне заглядываться на чужих жён?

— Ты хочешь сказать... что он твой возлюбленный?! — охнул торговец.

Цзан Е во все глаза уставился на Янь Хуайлина.

— Именно так, — тот раскрыл веер, пряча за ним усмешку.

— Ради того, чтобы уйти от ответа, ты готов признаться в страсти к мужчинам?!

Цзан Е становился всё мрачнее. Женщина, наблюдавшая за этой сценой, вдруг сорвалась на крик:

— Лу-лан, хватит! Господин Янь не соблазнял меня... Это я... я сама...

— Замолчи! — торговец попытался закрыть ей рот.

Толпа ахнула.

— Я давно тайно любила его... а когда он мне отказал, я от отчаяния бросилась к нему...

— Молчи!!! — муж готов был растерзать её на месте.

— Ну вот, я же говорил, — Янь Хуайлин поправил воротник. — К таким пустышкам я давно потерял интерес. Сейчас меня волнует лишь...

Договорить он не успел. Цзан Е железной хваткой вцепился в его запястье, и в следующий миг они буквально взмыли в воздух. Гвардеец, используя технику легкости, на огромной скорости уносил его прочь от рыночной площади в сторону окраин. Янь Хуайлин не сопротивлялся. Он лишь довольно улыбался, глядя на то, как Цзан Е с трудом сдерживает ярость.

Они приземлились на безлюдной улочке. Цзан Е тут же отшвырнул его руку.

— Кажется, я уже предупреждал тебя: придержи язык!

— Что, господин Цзан, вам не по нраву мои слова? — Янь Хуайлин вкрадчиво заглянул ему в лицо.

— Никогда больше не смей нести подобный бред на людях! — прорычал Цзан Е.

Янь Хуайлин медленно обмахивался веером, не сводя с него глаз:

— Вы так боитесь за свою репутацию?

Цзан Е в гневе отвернулся, резко взмахнув полами плаща.

— Знаменитый первый меч Поднебесья оказался... «обрезанным рукавом». Конечно, такое трудно принять, — в голосе Янь Хуайлина прорезалась горькая ирония.

— Ты!.. — Цзан Е обернулся, чувствуя, как внутри закипает небывалая ярость.

Встретившись с ним взглядом, Янь Хуайлин перестал улыбаться. Он сложил веер и, не отрываясь, посмотрел Цзан Е в глаза.

— А если я и впрямь «обрезанный рукав», что тогда? — тихо спросил он.

Цзан Е замер.

— Если я действительно предпочитаю мужчин?

—...

— Если то, что я сказал на площади, было вовсе не шуткой? Как вы тогда поступите?

Увидев, как гнев на лице Цзан Е сменяется ошеломлением, Янь Хуайлин горько добавил:

— Если я всерьёз, Цзан Е... что тогда?

С этими словами он резко развернулся и, взмахнув веером, мгновенно скрылся из виду, оставив Цзан Е стоять в полном одиночестве.

<http://bllate.org/book/17493/1713686>